

Михаил ПЕСИН

Родился в 1949 году в Горьком. Окончил Горьковский институт инженеров водного транспорта. Работал в Ленском речном пароходстве инженером. С 1971 года – профессиональный журналист, работал в разных должностях, от корреспондента до главного редактора. Автор поэтических сборников, ряда публикаций (стихи и проза) в литературных журналах и альманахах.

Лауреат многих фестивалей и конкурсов авторской песни. Живет в Нижнем Новгороде.

РЕВНОСТЬ

Он и права-то не имел на это!

Ревность вообще вещь гнусная. Но когда она связана с женой или невестой, ещё куда ни шло, как-то можно понять, объяснить. Ущемлённым самолюбием, например. А он ревновал... Ритку Васильеву! Да, да! Ту самую со строчевышивальной фабрики. Ну был грех, схлестнула их жизнь. Изменил Санька жене. Так ведь это когда было?! Да и что ж ей теперь, вечно ходить под Санькиными окнами – вот, дескать, ни с кем не знаюсь, одному тебе верность храню?! Ерунда! Она баба молодая незамужняя. Её дело – как и с кем жить.

Санька всё это понимал. Понимал он также и то, что и до встречи с ним, и после были у Ритки ухажёры. И не в шашки же она с ними играла по ночам! Понимал и всегда относился к этому спокойно, вернее – вообще никак. А тут – на тебе! Ревнует. Лежит в кровати, заложив руку за голову, слушает, как сладко посапывает ему в плечо жена, и... ревнует Ритку Васильеву! И – к кому? К закадычному другу Кольке Гусеву, с которым выросли вместе, по одним заборам лазили, одну восьмилетку кончали. Даже потом, когда судьба их развела – Колька подался в мореходку, – это были друзья не разлей вода.

И вот ведь, надо же такому...

Санька осторожно вытянул из-под жены руку. Нащупал в темноте пачку «Примы», пепельницу. Закурил. Сон не шёл к Саньке. А, совсем наоборот, шли к нему обидные мысли и видения, ярко демонстрирующие «как они там сейчас...»

Нет, ну надо же такому?! Вот лежит рядом жена. Законная. Ревнуй на здоровье, ежели приспичило. Так ведь что есть она, что нет, жена -то. А вот Ритуха там с Колькой!..

Санька даже закашлялся – так стало горько от этой мысли.

А началось с чего?

Колька пришёл с моря. Колька всякий год, возвращаясь с моря или, как он говорил, «с рыбы», приезжал в родной городок – «мать повидать, корешей угостить». Саньку, само собой, в первую голову. На сей

раз они не виделись аж два года. В прошлый Колькин приезд Саньку от завода послали в колхоз на уборочную, так что свиданьица не вышло.

Но зато теперь!.. Конечно, было о чём поговорить, что рассказать. И, конечно, Санькиной жене эти разговоры слушать было ни к чему. Да и не получилось бы разговора-то при ней. Мужичкий разговор – вещь хрупкая. Тут особая атмосфера нужна. И чтоб бутылочка, понятно. Не за напиток, а для течения разговору. И чтоб не смотрел тебе в рот женин глаз, не считал рюмки.

В общем, решили покалякать без «госконтроля». А где это сделать, когда на дворе конец ноября? В подворотне либо на лавочке в скверике в такую промозглость много не поговоришь. А просто так, как бывало – по стакану и на электричку, – не тот момент. Тут поговорить хотелось, излиться.

– Шиканём сёдня, Сань, на всю железку! Увидишь, как рыбаки гуляют. – Кольку явно распирало желание посорить деньгами.

И они отправились в ресторан. «Мужичкий разговор» обещал получиться искусно обставленным: закусочка, запотевшие графинчики с беленькой, анекдотики, музыка... Представив всё это, Санька заулыбался. И то сказать, по-настоящему-то в ресторане он ещё и не бывал. Всё как-то без него обходился. Получку завсегда у пивного чапка отмечали, а по праздникам лучше дома места не сыщешь: и еды вдоволь, и пой-шуми – никто не запретит, и до коечки в случае чего рядышком.

Но сейчас как будто он и есть тот самый случай в ресторан выбраться. И не просто так – на часок-другой – на всю катушку, до закрытия! Если Колька начал корчить из себя заправского моремана – не останавливать! Однако мечта о запотевших графинчиках и заводной музычке так и осталась мечтой. Во всех трёх ресторанах и парочке кафе их небольшого волжского городка между ней и друзьями китайской стеной вырастала белая табличка с неприступной чёрной фразой: «мест нет!».

Настроение испортилось. В забегаловку идти не хотелось. Не напиток же собрались – поговорить! И вот тут... Чёрт дёрнул Саньку за язык! Вроде бы и приняли всего по паре кружек пивка для разгона. В общем, рассказал Санька другу о Ритке. Мол, живёт одна в коммуналке, а соседи – два божьих одуванчика – вроде как уехали погостить к дочке в Воронеж.

– Шо ж ты молчал?! – обрадовался Колька – Что может быть лучше конспиративной квартиры?

Так они попали к Ритке Васильевой. Ввалились со смехом, свёртками, бутылками... Кто? что? чего? – не важно! Прямо с порога – Ритуха! Принимай гостей! Заследили по чистому полу, закрутили проигрыватель... «Скатерть белая-а-а залита-а вином!..» – орал Колька, будто у себя в кубрике, чертовски ловко при этом выбивая пробки из бутылок одним ударом кулака по доньшку.

Санька, хоть и изображал из себя хозяина, пытаясь как можно непринуждённое накрывать на стол, а нет-нет да и поглядывал на Ритку – ошеломлённую этим шумом, обрадованную Санькиным приходом и всё же явно не довольную такой беспардонностью.

Но так или иначе – пьянка началась. Именно пьянка, потому что ни о каком разговоре по душам уже и не думалось. Едва опустела первая бутылка водки, Колька стал рассказывать анекдоты, так громко при этом смеясь, что даже Саньке становилось неловко. Ну а к концу второго пузыря и Санька орал уже что-то песнеподобное. Разгорячённая вином, постепенно перестала смущаться от присутствия в доме совершенно незнакомого мужчины и Ритка. Даже наоборот, ей стало казаться, что и быть-то иначе не могло. Ведь Санечка, как никак, не чужой ей человек. Ведь... Ах, да что говорить! Она

и сейчас готова растаять от этих голубых под пудовыми ресницами глаз. Лучше б, конечно, он один к ней пришёл. Так ведь мало ли чего лучше?!

И она пела вместе со «своим Санечкой», смеялась над анекдотами его друга, не замечая, что они уже давно перешли грань приличия. Ей было хорошо и весело.

Часам к двенадцати, когда все бутылки были уже почти пусты, а колбаса с сыром съедены, Санька вспомнил, что где-то там далеко-о... на другом конце города ждёт его жена и трёхлетний Вовка, которому он (в который уже раз!) обещал купить пистолет с пистонками.

Воспоминания эти пришли к нему как-то сразу и в неподходящий момент: они танцевали с Риткой одни в комнате при слабом освещении настольной лампы, а Колька вышел по своим надобностям. А Ритка тянула к его губам свои губы и, запустив пальцы в его волосы, гладила Саньку с такой нежностью, с какой могут это делать только очень любящие женщины...

«Э-эх! – вздохнул Санька, глядя на безмятежно спящую жену. Что они с нами делают, эти бабы!» Вроде бы уже и личная жизнь у него давно налажена. И жену свою, Веру, он уважает. Зарплату регулярно приносит почти полностью. Не бьёт её. Ну разве что шумнёт иной раз выпивши, так ведь не он первый, не он последний. Вера понимает это и не шибко капаёт на похмельную голову. Да и баба она грех жаловаться: всё при теле. И заботливая. И готовит разные вкусности. Чего ещё человеку надо? Так ведь нет – тянет Саньку на всякие приключения. И сам потом не поймёт, как чего получилось. Вот что ему эта Ритуха? Случай! А вот оно как разобрало...

Вспомнив про жену, Санька засовестился. Отстранился от Риты и стал собираться домой. На том бы и делу конец. Да ведь Колька-то отказался с ним уходить. У Ритухи остался! В тот момент, покуда в голове водка туманилась, Санька и не противился. Хочет – пускай его остаётся. Не женатый чай. Но вот сейчас среди ночи мучился Санька от горькой обиды. Как это так? Его Ритуха и – с Колькой! И как мог он, Колька – с его Ритухой?!

Эти два внезапно столкнувшиеся имени, бомбой взорвали Санькино сознание.

– Ну уж, нет! Долго вы у меня не поворкуете! – сказал он так громко, что проснулась Вера. Посмотрела на него сонными встревоженными глазами:

– Ты чего, Сашок? Нехорошо, что ли? Попробуй – два пальца...

– Спи, – ответил он тихо и зло. Только её расспросов сейчас не хватало.

«Ну уж, нет!» – повторил он уже про себя и принялся одеваться.

– Ты... куда? – Вера приподнялась на локтях. – Куда ты?!

– Спи, – снова оборвал её Санька и неожиданно для себя соврал. – На завод смотаюсь. Мысль одна в голову залезла. Рацуху хочу подать. Проверить надо.

– Так ведь ночь на дворе!!.

Но Санька уже, выскочив за дверь, бежал по тёмным холодным улицам. Он больше не мучился вопросами, не вспоминал прошедший вечер. Огромная горькая обида переполняла теперь его душу, мозг, тело... Он даже ощущал вкус этой горечи во рту.

Не разбирая дороги, не замечая, как бешено бьётся его сердце, бежал Санька сквозь ночь. И не попадись ему случайное такси, бежал бы, кажется, вот так – разбрасывая длинные ноги, шумно вбирая ртом воздух и бормоча себе под нос «Ну, Ритуха!.. Ну, Колян!..» – до самого Ритино дома.

Было ли это, как казалось Саньке, действительно приступом ревности? Вряд ли. Ведь для Ревности необходима Любовь. А её-то как раз у него к Ритке никогда не было. Он и сошёлся с ней случайно и, разойдясь, – до сегодняшнего случая вспоминать забыл. Так чего ж он тогда взвился? Чего мучился всю ночь обидой? Чего гнал сейчас такси к её дому?

Задет был в Саньке собственник. И собственник этот никак не мог смириться с тем, что кто-то (пусть даже этот кто-то – друг!) отнял его, Санькину, добычу. Добычу? Не иначе. Ведь наивная, мечтающая о прекрасном принце Ритка, в буквальном смысле попала в паутину Санькиных ресниц, как проснувшаяся среди зимы сонная муха в лапы равнодушного паука. А попробуйте отобрать добычу у хищника. Да вот хотя бы пойманную мышь у кошки. Даже если она ваш питомец. И – сыта. Она на всю жизнь затаит обиду и непременно улучит мгновение для того, чтобы отомстить своими острыми коготками.

Оставив такси, Санька, скача через три ступеньки взлетел на пятый этаж. Со всей силой налёг на кнопку звонка.

Встревоженная, сонная, в лёгком, накинутом на полуобнажённое тело халатике, открыла ему дверь Рита.

– Са...? – Удивлённая и перепуганная, так и застыла она в дверном проёме. А он, не говоря ни слова, не раздеваясь, пронёсся в комнату... на кухню... рванул дверь туалета...

– Где он?! – заорал, краснея от злости. – Где? Морду расквашу! Шуры-муры, да? Хрен вот вам!!

Он орал ещё долго, бессмысленно и грязно ругаясь. Наконец, обесилев, прислонился к стене коридора и замолчал, тяжело дыша. Только красные от бессонной ночи и злости глаза страшно сверкали на Риту.

– Чего ты, Саш? – наконец сказала и она. – Кого ищешь-то?

– Крутишь, стерва? Аль не знаешь? Колюху ищу! Где его заховала? Иль, может, спровадила уже? Натешились?!..

– Да что ты... какого Колюху?

– Не крути, говорю! Не знаешь, будто? Нынче со мной приходил.

– Так ведь... вы ж вместе ушли... Вы ж вместе... А ты... Ты как подумал?.. – И она вдруг заскулила. Тихонько, протяжно и с такой безысходной тоской – скалы заплачут.

И только теперь в затуманенном Санькином мозгу стало проясняться: да, действительно Колька хоть и собирался остаться у Ритухи, но оказался почему-то рядом с ним на улице, твердя про какой-то облом. И Санька даже сочувствовал ему и, успокаивая, дал закурить. А потом... Потом он помнит только, как проснулся в своей постели с гудящей головой и жгучей обидой от того, что там у Ритухи...

Нет, ну бывает же такое?! Прямо какое-то прободение памяти!

Санька вдруг захохотал. Сначала тихо, потом всё громче и громче. У него текли слёзы, кололо в боку. Он захлёбывался и утирался рукавом, всхлипывал и хватался за живот.

А рядом скулила от обиды и стыда Ритка.

А на другом краю города, не находя себе места, бродила по комнате встревоженная Вера.

Но он смеялся. Смеялся, потому что приревновал вот эту неказистую, конопатую, низкорослую Ритуху Васильеву. И – к кому? К Гусеву Коляне! Закадычному другу детства!

Да он и права-то не имел на это!